

УДК 316.356.2

Костенко Максим Александрович

кандидат социологических наук,
доцент Алтайского государственного университета

**ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ УТРАТЫ
РОДИТЕЛЬСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ:
КОНТЕКСТ КОНСТРУИРОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ
«КРИЗИСНЫМ» СЕМЬЯМ**

Kostenko Maxim Aleksandrovich

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Altai State University

**PREVENTION OF PARENTAL
CARE LOSS: DEVELOPMENT
AND IMPLEMENTATION OF
SOCIAL SERVICES FOR CRISIS
FAMILIES**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию процесса конструирования и реализации социальных услуг для семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации («кризисные» семьи). Проведен анализ официальных статистических данных, представлены результаты эмпирического исследования мнения основных получателей социальных услуг – родителей из «кризисных» семей – о характере и качестве социальной помощи. Установлено, что система защиты детей носит реактивный характер с доминирующим подходом ранней институционализации детей. Транзакции системы опеки и системы служб поддержки семье носят нереспроципный, дискретный характер. На основе анализа сформулированы рекомендации, направленные на повышение эффективности национальной системы защиты детей.

Ключевые слова:

семьи с детьми в трудной жизненной ситуации, кризисные семьи, социальное сиротство, утрата родительского попечения, институционализация детей, социальные услуги по альтернативному уходу, социальная помощь, защита детей.

Summary:

The article deals with the process of designing and implementing of social services for families with children in difficult life situations (family in crisis). The author analyzes official statistical data, results of empirical study of the opinions of social services recipients – parents of the crisis families – about the nature and quality of social assistance. It is established that the child protection system is mostly reactive with the dominant approach of early institutionalization of children. Transactions of the trusteeship system and the system of family support services have non-reciprocating and discrete nature. Basing on the analysis the author formulates guidelines aimed at the efficiency improvement of the national system of children protection.

Keywords:

families with children in difficult life situations, crisis families, social orphanhood, loss of parental care, institutionalization of children, social services of alternative care, social assistance, child protection.

Проблема утраты несовершеннолетними родительского попечения и, как следствие, социальное сиротство является актуальной для современного российского общества. Согласно тезису Т. Веблена [1, с. 6–16] вопрос о ревизии любого социального института встает на повестку дня главным образом тогда, когда он оказывается препятствием для назревшего обновления других институтов, для изменения траектории развития в интересах влиятельных социальных групп, закрепления накопившихся сдвигов в положении социально-экономических субъектов. Именно поэтому, из-за возрастающих требований модернизации всех сфер российского общества, на повестку дня были поставлены и вопросы модернизации национальной системы предотвращения утраты родительского попечения и альтернативной государственной заботы за детьми с высоким риском сиротства [2, с. 5–7].

В настоящее время национальная система предотвращения социального сиротства характеризуется двойственностью. С одной стороны, продолжается реформа законодательства и инфраструктуры социальных услуг в интересах детей, внедряются новые форматы практической деятельности, ориентированные на сохранение семейной заботы для детей, определяются приоритеты в финансировании эффективных технологий помощи семьям в трудной жизненной ситуации с детьми и т. д. [3, с. 5–8].

С другой стороны, наблюдаются традиционно высокие показатели лишений родительских прав и социального сиротства [4], снижение реального качества социальных услуг, оказываемых семьям, высокая отрицательная трудовая мобильность («текучесть кадров») коллективов социальных служб, отток наилучших профессионалов в другие отрасли экономики и т. д. [5, с. 12–15]. Так, доля детей без попечения родителей в Российской Федерации продолжает оставаться довольно высокой: 2,5 % детского населения официально зарегистрированы как дети без попечения родителей (в некоторых регионах это значение достигает уровня 4 %) [6].

Анализ официальной статистики показывает, что национальная система защиты детей и поддержки семьи имеет тенденцию помещать детей с высоким риском утраты родительского попечения под временную опеку или в стационар в качестве первоочередной меры вмешательства [7], что не всегда оказывается эффективным с точки зрения предотвращения долгосрочной утраты родительского попечения. Раннее выявление семей с высоким риском социального сиротства остается довольно низким: только 19 % сообщений о детях, подвергающихся наиболее высокому риску утраты родительского попечения, поступают в органы опеки от организаций, предоставляющих социальные услуги. Наибольшее количество выявленных случаев приходится на полицию, что можно считать слишком запоздалым действием профилактической работы, так как ребенок, скорее всего, уже пострадал от насилия, пренебрежения или жестокого обращения, которые представляют угрозу его жизни и здоровью, и поэтому нуждается в немедленном альтернативном уходе [8, с. 279–282]. Выявленные несовершеннолетние с высоким риском социального сиротства чаще всего направляются в институциональные формы жизнеустройства (детские дома, интернаты и прочие) [9]. Таким образом, факт признания органами опеки несовершеннолетнего в качестве «оставшегося без попечения родителей» резко снижает реабилитационный потенциал, направленный на сохранение ребенка в собственной (кровной) семье, и повышает риски перейти в долгосрочную форму официальной опеки.

Вместе с тем в стране развивается инфраструктура организаций, предоставляющих социальные услуги, направленные на оказание поддержки семьям по сохранению и / или возвращению ребенка семье [10, с. 10–18]. К сожалению, такие организации и учреждения являются наименее используемыми в ситуации изъятия ребенка из семьи и передачи его в институты государственного попечения [11]. В этой связи представляется важным выявить и проанализировать причины и факторы низкой эффективности деятельности социопрофилактических организаций и служб. Анализ данной проблемы можно проводить с различных сторон, в данной статье представлены основные результаты исследования мнения об эффективности социальной поддержки семей с детьми с высоким риском сиротства основных потребителей таких услуг – родителей.

Основная группа проблем, выявленных родителями, которые необходимо решить для предотвращения утраты родительского попечения, – это отсутствие родительских навыков и знаний о воспитании, особенностях поведения ребенка и качестве коммуникаций в семье. Родители затруднились с ответом на вопрос о риске разлучения с собственными детьми, тем не менее более 60 % родителей и детей признают проблемы в воспитании ребенка в их семье и возможный риск разлучения.

Другая важная группа проблем относится к ситуациям, связанным с самими родителями: переживание эмоционального стресса, конфликты между супругами, отсутствие одного из родителей. Указанные признаки являются факторами, повышающими риск утраты попечения над ребенком. Как правило, конфликты в семье или между родителями часто упоминались в связи с другими стрессовыми факторами: проблемное употребление алкоголя, отсутствие работы или уклонение от выполнения родительских обязанностей одного из родителей, смерть одного из совместно проживающих членов семьи, попадание одного из родителей в места лишения свободы, болезнь и / или инвалидность родителей (или проживающих совместно прародителей, за которыми необходимо осуществлять посторонний уход). Каждое из приведенных жизненных обстоятельств должно стать сигналом для направления ребенка в социальные службы, предоставляющие услуги по поддержке семей.

Бедность и низкие доходы, жилищные проблемы и безработица, алкоголизм являются третьей группой важных факторов повышения риска изъятия ребенка из семьи, по мнению опрошенных родителей. Очевидно, что алкоголь и бедность сами по себе необязательно означают, что родитель будет не в состоянии заботиться о своем ребенке [12, с. 12–15]. Скорее всего, другие факторы, усугубляемые проблемным употреблением алкоголя и бедностью, могут привести к насилию и пренебрежению нуждами ребенка, что может представлять угрозу его жизни и здоровью. Поэтому наличие указанных факторов свидетельствует о необходимости интенсивного реабилитационного вмешательства и оказания поддержки, с тем чтобы предотвратить вред, нанесение которого в конечном итоге может привести к разлучению ребенка со своей семьей.

По мнению родителей, услуги, предоставляемые действующими социальными службами (центрами социальной помощи семьям и детям, социально-реабилитационными центрами и другими), частично решают некоторые из вышеперечисленных проблем. Но в основном при возникновении трудной жизненной ситуации в семье родители получают предложения об оказании небольшой материальной поддержке и размещении (временном) детей в стационарных формах ухода, связанных с изъятием из семьи (например, в социальных приютах). В то же время моральная и психологическая поддержка, обучение развитию родительских навыков, лечение от алкогольной зависимости предлагаются и используются гораздо реже.

С точки зрения родителей (60 % опрошенных), наиболее эффективные виды услуг – это беседы со специалистами, семейное и индивидуальное психолого-педагогическое консультирование, родительские группы взаимопомощи, моральная поддержка, услуги дневного пребывания детей (например, в социальных службах) и практическая помощь в оформлении пособий и получении других видов государственных услуг (детский сад, лечение, досуг, секции и т. п.). Не более 13 % родителей считают стационарные услуги полезными для ребенка и семьи в целом.

Приведенные выше данные официальной статистики и мнения родителей в оценке основного механизма реагирования государственной системы защиты детства совпадают: размещение в стационаре – это первая реакция поставщиков государственных социальных услуг. Учитывая, что многие названные родителями трудности связаны с несовершенством родительских навыков, сложными семейными отношениями, включая поведение самого ребенка, непонятно, как изъятие ребенка из семьи может помочь решению этих проблем. Даже временное размещение ребенка в социальном стационарном учреждении не предполагает активизацию реабилитационной работы с родителями, поведение которых, как правило, детерминирует возникновение и повышение рисков изъятия ребенка из семьи [13, с. 123–129].

Представляется, что отдельные виды стационарных услуг могут быть необходимы (в случаях угрозы жизни и здоровью ребенка), а также могут внести вклад в решение некоторых семейных проблем. Вместе с тем непонятно, в какой степени такие услуги эффективны с точки зрения воссоединения ребенка с семьей, улучшения качества жизни самой семьи после получения стационарных услуг. Например, дети будут накормлены, одеты и смогут проживать в социальном приюте (летнем лагере, больнице и т. п.) на временной основе, но это не поможет решить проблемы отношений в семье, не устранил ситуацию злоупотребления родителями алкоголем.

В то же время пятидневный стационар для детей, у которых родители работают посменно, мог бы способствовать решению вопроса бедности семьи и занятости детей, помочь родителям сохранить работу и стабильный источник дохода. Кроме того, к числу эффективных услуг, которые необходимо активно предлагать, отнесем программы развития родительских навыков, семейную терапию, консультирование и другие виды поддерживающей терапии, которые предоставляются одновременно ребенку и родителям, услуги, практически помогающие осуществлять уход и воспитание детей [14, с. 46–50]. К сожалению, большинство форм социальных стационарных услуг не предполагает достижение подобных целей для «кризисных» семей. Расширение нестационарных услуг возможно осуществлять за счет сокращения дорогостоящих стационарных услуг до уровня, необходимого чтобы справиться с экстренными случаями размещений.

Таким образом, сам факт реализации «стационарной социальной помощи», работы с несовершеннолетним в отрыве от его родителей (законных представителей) не создает условий для эффективного решения социальных и психолого-педагогических проблем семьи. Последнее отрицательно влияет на потенциал реинтеграции ребенка в кровную семью после курса стационарной реабилитации (пребывание в приюте, в санатории или больнице, социальной гостинице и т. д.) и соединение семьи после разлуки и положительно влияет на вероятность потери родительского попечения в будущем [15, с. 290–295]. Представляется целесообразным больше инвестировать в развитие услуг, которые укрепляют родительские навыки и знания и направлены на решение проблем отношений детей вместе с родителями, не исключая при этом ребенка из привычной домашней обстановки [16, с. 237–242].

Наряду со стационарными услугами, которые широко предлагаются и являются одним из основных видов социальных услуг, направленных на предотвращение социального сиротства, родителям предоставляются также некоторые виды нестационарных услуг и их комбинации со стационарными услугами. Нестационарные социальные услуги, предложенные родителям, можно условно разделить на 5 основных видов:

1. Материальная помощь, целевая финансовая поддержка.
2. Советы, помощь родителям в получении доступа к услугам, помощь с трудоустройством, включая юридическое консультирование, помощь в оформлении документов для получения пособий или решения других вопросов, связанных с взаимодействием с административными структурами.
3. Помощь, связанная с образованием и здоровьем как ребенка, так и родителей, включая образовательную поддержку (занятия в группах продленного дня), поддержка в получении медицинских услуг или лечении от алкогольной зависимости.
4. Поддержка в вопросах воспитания ребенка, развития родительских навыков и улучшения семейных отношений – консультации психолога, родительские группы или «моральная поддержка», консультирование по разным вопросам.
5. Услуги дневного стационара, кружки, досуговые мероприятия после школы.

Названные группы социальных услуг (наборов услуг) представлены в различных учреждениях вариативно. Поэтому возникает вопрос о необходимости проведения оценки потребностей детей и семей в тех или иных услугах, адекватности услуг реальной жизненной ситуации семьи.

Безусловно, поддержка семей в получении пособий и реализации других социальных прав – это важный способ повышения дохода семьи, который может помочь обеспечить семьям некоторый уровень стабильности; адресная финансовая помощь на лечение и другие нужды может помочь семьям преодолевать периоды кризиса и решать основные проблемы семьи в ограниченном временном промежутке. В целом же социальные услуги, ориентированные на предотвращение социального сиротства, не должны слишком сосредоточиваться на материальной помощи, финансовой поддержке, продуктах и вещах. Подобная гуманитарная помощь – следствие патерналистского подхода в социальной политике последнего времени, детерминирующее возникновение эффектов «социального иждивенчества» и «выученной беспомощности», и поддержка подобного рода не может рассматриваться в качестве основы стратегии семейно-ориентированной социальной помощи в настоящее время.

Представляется, что смещение направленности социальных услуг в сторону максимизации дохода семей посредством трудовой занятости родителей, устранение проблем, ограничивающих доступ семей к трудоустройству, таких как здоровье, транспорт, дневной уход за детьми и другое, обеспечит лучшие долгосрочные результаты социальной поддержки.

Можно говорить о том, что действующая система государственных социальных служб, как правило, предлагает те социальные услуги и формы социальной поддержки, которыми она обладает (безусловно, в разной степени количества и качества реализации). При этом необязательно предлагаемый спектр услуг адекватен реальным потребностям решения проблем семьи, хотя имеют место и совпадения: когда предлагаемые услуги позволяют решить какую-то часть проблем, обозначенных родителями.

Этот тезис иллюстрируют мнения респондентов относительно субъективной удовлетворенности оказанной помощи: 14 % опрошенных сказали, что «вся помощь была полезна», 2 % ответили – «никакая помощь не была полезна», 6 % – «не знаю». В числе наиболее эффективных средств для себя и своей семьи респонденты назвали «моральную и психологическую поддержку»: в том числе консультации с психологом – 16 %, моральная помощь от бесед со специалистами – 15 %.

«Я чувствовала, что я не одна, может быть, это самое главное. Я действительно не знала, что будет, когда я была вынуждена покинуть свой дом только со своими детьми на руках» (женщина-клиент муниципального центра социальной помощи семье и детям, 37 лет).

Примечательно, что родители высоко оценивают услуги дневного пребывания детей в социальных учреждениях и развивающие занятия (22 % ответов), подчеркивая важность занятости детей после школы под контролем ответственных взрослых, а также получаемых навыков общения с другими детьми.

Среди наименее полезных услуг родители выделили помощь в получении медицинских услуг (7 %), стационарные услуги (5 %), помощь с трудоустройством (2 %), лечение от алкогольной зависимости (3 %). Важно отметить, что такие услуги, как помощь с трудоустройством и социальное сопровождение в лечении алкогольной зависимости, практически отсутствуют в «меню» социальных служб для кризисных семей (в отличие от стационарных услуг). Можно предположить, что более широкое применение на практике подобных услуг поможет существенно повысить субъективную оценку их результативности среди получателей социальных услуг в целом.

Таким образом, родители считают наиболее полезной услугой «моральную поддержку» и описывают ее как поддержку, которая достигается в ходе повседневных неформальных бесед, советов, консультаций со специалистами организации, а также другими способами, с помощью которых персонал социальных служб взаимодействует с ними. Это такой не вещественный положительный результат взаимодействия родителей со специалистами, который достигается за счет позиций уважения и доверия и может служить серьезной основой для создания и поддержки мотивации для изменения жизни семьи в дальнейшем. Отсюда очевидна высокая значимость специалистов, предоставляющих поддержку семьям и услуги по защите детей, знаний и умений эффективного выстраивания коммуникативных транзакций с родителями и детьми, учитывающих их персональный опыт переживания трудной жизненной ситуации.

Респонденты отмечают высокую потребность в материальной и финансовой помощи, большей экономической стабильности и безопасности в качестве приоритетов для социальной поддержки. Вместе с тем родители выражают неудовлетворенность качеством и размерами оказываемой материальной помощи, что, на наш взгляд, подчеркивает ограниченный реабилитационный потенциал прямой гуманитарной помощи кризисным семьям. Представляется, что данное противоречие поможет снять социальные услуги, ориентированные на снижение объективных и субъективных барьеров повышения дохода семьи и трудовой занятости родителей, например, услуги дневного ухода за детьми. Оказание услуг дневного пребывания детей и других услуг, предполагающих, что дети заняты и находятся под присмотром в то время, когда родители работают, также представляется эффективной технологией практической поддержки семей в доступе к медицинским и образовательным услугам, трудовой занятости.

Лишь небольшая часть родителей видит риск попадания своего ребенка под опеку государства (временно или долгосрочно) в качестве позитивной и конструктивной меры помощи. С одной стороны, это говорит о мотивированности родителей относительно совместной работы по предотвращению потери родительских прав. С другой, – данный факт сигнализирует о том, что родители иногда не имеют другой альтернативы, кроме как рассматривать ситуацию разлучения с собственным ребенком. В любом случае родительская мотивация, направленная на изменение собственной жизни с целью проявления большей заботы о ребенке, – это важный фактор в развитии эффективных услуг по защите детей и поддержке семьи.

В целом анализ официальной статистики [17] и результатов исследования мнения родителей показывает, что современная национальная система защиты детей и социальной поддержки семей в значительной степени носит реактивный характер. Большое число детей с риском утраты родительского попечения не направляются в организации системы профилактики социального сиротства и социальной помощи семье до того момента, пока они не оказываются в ситуации непосредственной опасности попадания под опеку государства.

Вместе с тем в настоящее время для семей с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, сформирован и предлагается широкий спектр социальных услуг [18]. К сожалению, эти услуги необязательно направлены на решение основных глубинных причин недостаточной заботы и плохого ухода за несовершеннолетними в кровной семье, детерминирующих возникновение рисков попадания ребенка под опеку государства в средне- и долгосрочной перспективе. Социальные службы, предоставляющие услуги по поддержке семьи и профилактике социального сиротства, в большинстве случаев не работают с детьми и семьями, которые состоят на учете в органах опеки, до того как они были поставлены на учет. В этой связи многие дети не получают поддерживающие социальные услуги до момента постановки на учет в органы опеки и признания их в качестве «оставшихся без попечения родителей». Как правило, в дальнейшем для несовершеннолетнего это приводит к размещению в долгосрочную формальную опеку.

Организации и учреждения, осуществляющие социальные услуги для семей и детей в трудной жизненной ситуации, являются основным ресурсом системы, направленной на профилактику социального сиротства и поддержку семей, и поэтому очень важно, чтобы предотвращение попадания ребенка под опеку государства стало основополагающим принципом их работы. Службы поддержки семьи и органы опеки и попечительства должны в первую очередь направлять детей друг другу. Службы поддержки семьи должны работать со всеми клиентами органов опеки до того момента, когда уже будет рассматриваться помещение ребенка под долгосрочную форму альтернативного ухода.

Ссылки:

1. Казакова В.И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестн. НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 3. С. 6–16.
2. Анализ достижений в области деинституционализации защиты детей и развития семейных форм их жизнеустройства. М., 2008. 177 с.
3. Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия / под ред. М.В. Гордеевой. М., 2013. 225 с.
4. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Форма федерального статистического наблюдения № 103-РИК [Электронный ресурс]. URL: http://www.miccedu.ru/stat/stat_forms.php (дата обращения: 20.02.2014).
5. Анализ достижений в области деинституционализации защиты детей и развития семейных форм их жизнеустройства.
6. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Форма федерального статистического наблюдения № 103-РИК.
7. Там же.
8. Rycus J., Huges R. Filed guide to child welfare. Washington DC, 2009. 421 p.
9. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Форма федерального статистического наблюдения № 103-РИК.
10. Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия.
11. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Форма федерального статистического наблюдения № 103-РИК.
12. Cleaver H., Unell I., Aldgate J. Children's Needs-Parenting Capacity: The Impact of Parental Mental Illness, Problem Alcohol and Drug Use, and Domestic Violence on Children's Behaviour. London, 1999. 272 p.
13. Rycus J., Huges R. Op. cit.
14. Cleaver H., Unell I., Aldgate J. Op. cit.
15. Geeraert L. The effects of early prevention programs for families with young children at risk for physical child abuse and neglect: a meta-analysis. Child Maltreatment / L. Geeraert, W. Van den Nootgate, H. Grietens & P. Onghena. 2004. P. 276–297.
16. Rycus J., Huges R. Op. cit.
17. Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Форма федерального статистического наблюдения № 103-РИК.
18. Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия.